

В ПОМОЩЬ СОИСКАТЕЛЮ

ПОЧЕМУ НУЖНО ИЗУЧАТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ?

РОБОТОВА Алевтина Сергеевна – д-р пед. наук, профессор, РГПУ им. А.И. Герцена.
E-mail: asrobotova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме повседневности, которая сегодня стала предметом пристального внимания в социально-гуманитарных науках. Автор считает, что для педагогики она представляет не меньший интерес, и излагает свой взгляд на необходимость её педагогического осмысления.

Ключевые слова: повседневность как научная категория, школьная повседневность, педагогическая повседневность

Для цитирования: Роботова А.С. Почему нужно изучать педагогическую повседневность? // Высшее образование в России. 2016. № 4 (200). С. 99–109.

Сначала напишу о моём непростом вхождении в *проблему повседневности*. Работая школьным учителем, я вовсе не знала о существовании такой проблемы, хотя каждый день моей повседневности был наполнен повторяющимися действиями, педагогическими ритуалами, автоматическими перемещениями с этажа на этаж, из одного класса в другой, из первой смены во вторую, а иногда и в третью (вечернюю) – следование школьному расписанию. Повседневные заботы становились всё более привычными: не забыть нужную карту (на урок истории или географии), раздать тетради № 1 и собрать в конце урока тетради № 2 (по русскому языку), обрести нужное настроение перед уроком литературы; собрать и проверить дневники своего класса, посетить чьих-то родителей и т.д. Это было всё так обычно для поселковой школы 60-х гг. Повседневная жизнь в школе до краёв наполняла моё существование. И так незаметно промчались шесть лет. Ушёл после выпуска мой любимый воспитательский класс: одни ушли в армию, другие стали студентами, третьи пошли работать. В течение нескольких лет сохранялись тёплые, дружеские отношения: мы встречались, переписывались, с нежностью рас-

сматривали сохранившиеся выпуски рукописного журнала, вспоминали наши походы и вечера.

И вот однажды... мне предложили выступить на Педагогических чтениях. Но предварительно нужно было текст послать в Москву – это были Всесоюзные чтения! Я написала, как мне кажется, просто и незатейливо о том, как можно увлечь класс общими делами, создать в нём за шесть лет доброжелательную обстановку: без драм, оскорблений, унижений, зато с интересом друг к другу, заботой и вниманием, коллективным обсуждением конфликтных ситуаций и поиском выхода из них. Это не было чем-то выдающимся. Мне было всё это делать приятно, и это чувство стало *привычным*. Это же стало привычным и для моего класса. Было приятно находиться всем вместе, будь то генеральная уборка класса, лыжный поход или поездка в БДТ. Об этой повседневности я и писала. Писала, используя свои записи, фактические ситуации жизни класса, создавая образы воспитанников, использовала нашу переписку и взаимные поздравления с праздниками. Доклад мой приняли, я выступила, а потом его напечатали – чего я не ожидала! И сейчас, спустя столько лет, продолжаю

удивляться наличию в названии статьи (такого журнала!) словосочетания *правильных взаимоотношений*...[1]. Правильных, т. е. нормальных, делающих повседневную жизнь класса уравновешенной, без взрывных ситуаций, но развивающейся, всё более творческой и интересной – ведь дети выросли, менялись, и наша классная повседневность тоже менялась, сохраняя свои *правильные* основания.

А потом эта проблема возникла уже в вузе – после окончания аспирантуры. Чтение курса педагогики стало увлекательнейшим процессом: его можно было без конца обновлять, насыщать новыми идеями, фактами, ситуациями, которые становились препятствием декларативности, шаблонности положений, единообразных выводов. Всеми силами я старалась разбудить мысль слушающих, побуждала их к раздумьям. На одной из лекций был задан вопрос: «Были ли неожиданности в моей учительской деятельности?» Стремительный мысленный перебор ситуаций, и я останавливаюсь на одной. Я назвала её «Погас свет».

Это было в пятом классе. Мы занимались во вторую смену. За окнами расплывались синие-синие сумерки. Слегка покачивали вершинами наши вечные сосны. Шел урок русского языка. И вдруг в классе стало темно – свет погас... Да, погас совсем внезапно, не предупреждая нас подмигиванием, уменьшением напряжения. Просто погас. И всё...

Я ещё по пионерскому лагерю знала, что бывает в таких случаях. Начинался форменный ералаш: кто-то рычал страшным голосом, кто-то повизгивал, кто-то испуганно вскрикивал, кто-то начинал ползать по полу и хватать других за ноги. Становилось шумно, беспорядочно; делать кому-то индивидуальные замечания или угрожать было бессмысленно – так же, как и грозить всему классу за беспорядок и нарушение дисциплины. Ощутив в этом шуме какую-то совсем ничтожную паузу, я сказала: «Давайте я вам почитаю что-нибудь!»

Это была и просьба, и вопрос, и надежда... «А как Вы почитаете? – раздался хитроумный голос. – «На память, наизусть...» Это было так неожиданно для моих разошедшихся и разбушевавшихся в темноте ребят, что в классе сразу стало почти тихо. И, вспомнив пионерский лагерь, летние сумерки, любовь к таинственности в этом возрасте, я начала читать Лермонтова:

*По синим волнам океана,
Лишь звёзды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несётся,
Несётся на всех парусах.*

*Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.*

Эта естественная темнота, когда видны лишь слабые тени сидящих, моя таинственная интонация, сам жанр баллады, её образы, тоже полные тайны, – всё это обусловило полную тишину и внимание, о чем может только мечтать учитель... И вдруг тихонько отворилась классная дверь, и раздался голос нашего милого директора, Гурия Ефимовича, который обходил школу: «А у Вас тут что происходит?» – «А мы читаем...» – «Ну, молодцы, читайте, свет скоро дадут...» И он тихонько ушел. А я продолжала читать, меняя, как могла, интонацию:

*И маршалы зова не слышат;
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою...*

Я думаю, интуиция подсказала мне верное решение. Я использовала те резервы словесника, которые во мне могли долго-долго дремать без всякой пользы. А тут получилось вполне уместно. Подростки всегда склонны к тайне, любят рассказывать «ужасные» истории, иногда попугать друг друга. Здесь же слились воедино: не-

ожиданность педагогической ситуации, внезапно проснувшаяся интуиция, когда на периферии сознания блеснули «спящие» знания о том, что любят слушать подростки, оказавшись в таинственной полутьме; знания о том, что подростки любят приключения, тайну, неожиданность – в том числе и неожиданность решений в обычной ситуации. Какой опыт я извлекла из этой совершенно нечаянной ситуации? Несмотря на монотонность и безопасность педагогической повседневности, надо стараться быть готовой ко всему... Из внезапно оборвавшейся повседневности случилась такая прекрасная ситуация молчаливого слушания, когда кажется, что читают тебе одному.

А спустя годы стал развиваться интерес к повседневности как проблеме научной. Читая «Историю образования», обратилась к книге Ж. Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада» [2]. Она меня необычайно заинтересовала – так же, как и книги историка А.Я. Гуревича. Я искала способы пробуждения интереса студентов к прошлому – к педагогической истории. И вышла на проблему повседневности. Обострилась и собственная рефлексия по поводу ушедшего в личную историю педагогического опыта – историю своей педагогической повседневности. Написала несколько размышлений на эту тему и даже одну книгу [3].

Знакомство с теоретическими аспектами категории «повседневность» у меня началось со статей Н.Н. Козловой, которая обратила внимание на новизну познавательной ситуации 90-х гг. XX века, на необходимость анализа индивидуального человеческого опыта, на использование переписки, дневников, воспоминаний и пр. как инструментов исследования человеческих документов: «Внимание переносится на процессы повседневной жизни общества, на рядового участника социальных процессов, взятого в качестве “актера”, деятеля. В разных областях социального и гуманитарного знания ощущается необходимость пони-

мать человеческий опыт с учетом позиции действующих лиц, их когнитивных структур, смысловой нагруженности деятельности, образцов чувствования и переживания, вербальных и телесных практик идентичности. Исследование оказывается локализованным на границе жизненных траекторий людей и развивающейся социальной структуры» [4]. Для исследователя в области социально-гуманитарных наук оказались продуктивными мысли учёного о смене парадигм социального познания, о поиске новых средств познания и репрезентации социальной реальности, оппозиция научного дискурса и повседневного мышления [5]. Это была середина 1990-х гг.

Сегодня интерес к проблеме повседневности стал чрезвычайно активным. Обращение к многочисленным научным источникам социально-гуманитарного знания позволяет увидеть эту новую тенденцию. Философия, социология, этика, культурология, этнография, история, лингвистика, литературоведение – все эти науки активно оперируют понятием *повседневность*. Учёные, пишущие на эту тему, приводят обширные ссылки на зарубежную и отечественную литературу, подтверждая актуальность и необходимость изучения этого феномена. Появляется много новых публикаций со ссылками на зарубежных исследователей, среди которых А. Шюц, М. де Серто, Т. Лукман, П. Бергер, А. Людке, на отечественных учёных: Е.В. Золотухину-Аболину, Г.Д. Гачева, И.Т. Касавина, Н.Б. Лебину, Ю.М. Лотмана, С.Д. Полякова, Н.А. Пушкарёву, Ю.А. Рожкова, С.П. Щавелева и др.

Сторонники изучения повседневности считают, что интерес к жизни обыденной, повседневной – в деталях, артефактах, «мелочах жизни» и т.д. – обусловлен гуманитарно-антропологическим поворотом в гуманитарных науках, предшественником которого были феноменология, экзистенциализм, социальный конструктивизм.

Несмотря на обширный массив публи-

каций, на сегодняшний день нет чёткого научного определения понятия. Анализируя недавние работы по теме, видишь, сколь многозначно, широко и зачастую неопределённо оно трактуется. Обзор различных трактовок дан А.Г. Иониным, статья которого начинается словами: «Повседневность, повседневная жизнь – процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Социальные взаимодействия в контексте П. зиждутся на предпосылке единообразия восприятия ситуаций взаимодействия всеми его участниками» [6]. При этом автор отмечает огромное количество философских и социологических толкований повседневности.

Наиболее проблемной (в лучшем смысле этого слова) представляется работа И.Т. Касавина и С.П. Щавелева «Анализ повседневности». Они рассматривают повседневность с точки зрения заложенных в ней оппозиционных тенденций: сила и устойчивость обыденного опыта, который обеспечивает порядок, покой и безопасность, с одной стороны, и тяга человека к отбрасыванию прошлого опыта, к поиску нового, ещё не бывшего в прежней жизни, к риску и неожиданностям – с другой. На основе этого сделан важный вывод о том, что «различение и выделение этих двух сфер бытия и сознания превратило человеческую жизнь в постоянную проблематизацию их взаимоотношений». Эта проблематизация приводит к тому, что «всякое человеческое сознание в той или иной мере — это постоянное вытаскивание себя из болота повседневности, из набора привычных ситуаций и автоматических реакций на них» [7]. На мой взгляд, такой подход даёт ключ к пониманию педагогической повседневности, где всегда явно или неявно проявляются оппозиционные тенденции и процессы: стремление к стабильной, упорядоченной деятельности и нередко к рискованному поиску нового, которое со временем снова ста-

нет (или может стать) обычной структурой повседневности.

К сожалению, педагогика до сих пор фактически не использует понятие *повседневность*. Это побуждает рассмотреть семантику понятия более подробно. Полнее всего она раскрывается посредством синонимов. Смотрим словарь: обыденность, будничность, прозаичность; шаблонность, обыденщина, ежедневность, обычность, каждодневность, обиходность, затрапезность, проза жизни, житейские мелочи, житейская проза, жизненная проза. Ant. необычность, необыкновенность... [8] Обращает внимание то, что многие из синонимов связывают с повседневностью монотонность, повторяемость, обычность в отличие от праздничности, парадности, необычности, всегда содержащих нечто новое. Вместе с тем при анализе этого семантического ряда не покидает мысль о широте и обтекаемости ключевого понятия, на что обратил внимание В.В. Корнев [9]. И ещё одно явление, связанное с категорией повседневности. В разных работах по этой теме проявляется доминирование внимания к негативным коннотациям понятия. Назовём некоторые синонимы: *обыденщина, затрапезность, шаблонность, житейские мелочи*. Ориентация на них делает малопонятной трансформацию многих процессов повседневности – переход из стандартности, шаблонности в новое качество, качество более высокого уровня, возникновение необычного из обычного, творческого, нового из повторяющегося. А это всё важно для понимания меняющихся (иногда коренным образом) явлений, процессов, событий. Совершенно прав В.В. Корнев, считая, что распространённым является мнение об интуитивной понятности повседневности. Ясное, очевидное, обыденное не вызывает сомнения, не ведёт к разгадыванию смыслов, а потому иногда и вовсе игнорируется. Предполагаю, что «интуитивная понятность повседневности», её самоочевидность являются одной из причин от-

сутствия в педагогических науках исследовательского интереса к проблеме повседневности. (Запрос о диссертациях на эту тему по специальностям 13.00.01 и 13.00.08 даёт один и тот же ответ: «Не найдено ни одного документа»).

Между тем обращение к педагогическому смыслу повседневности может обогатить как педагогическую науку, так и образовательную практику. «Здравый смысл» повседневности может противостоять наукообразным предельно широким обобщениям, которые перенасытили сегодня педагогические тексты разных жанров – от докторских диссертаций до небольших публикаций. За этими обобщениями не слышно голосов субъектов образовательного процесса, невозможно представить повседневную жизнь школы, вуза, колледжа, где всё сцеплено (атмосфера, взаимодействия людей, их настроения, состояния, интересы, мотивы, любые действия и поступки), несмотря на текучесть этой самой повседневности. В диссертациях слышен только голос автора-исследователя, почти не используются человеческие документы, не воссоздаются концептуально важные портреты разных типов и образов школ, директоров, педагогов, новаторов и рутинёров, реакции детей разного возраста на новации, на деятельность педагогов, администрации, на домашние задания, на содержание учебников. От глаз исследователя оказывается скрытой невидимая повседневность жизни школы – особенно та, которая происходит на школьном дворе, в таинственных закоулках и школьных рекреациях, в туалетных комнатах.

Обращаясь к педагогическому осмыслению проблемы повседневности, видишь, сколько вопросов встаёт одновременно. Это терминологическое определение педагогической повседневности. Это базисные концепты, определяющие основное её содержание. Это изучение повседневной жизни школы или вуза как полисубъектной жизнедеятельности в полноте её ком-

понентов, таких как мотивы и отношения, смыслы и ценности, содержание и виды деятельности учебной и внеучебной, коммуникативные и речевые практики, удовлетворённость повседневной жизнью образовательной организации, изменения повседневности и причины этих изменений, очевидное и неочевидное в повседневном образовательно-воспитательном процессе.

Имеет ли право на существование сам термин *педагогическая повседневность*? Или, может быть, *школьная повседневность*? Встречая не раз понятие «повседневность» применительно к разным её сторонам и сферам, редко обнаруживаешь её связь с педагогикой, образованием, школой. Случайно наткнулась на экспертную записку президента фонда «Общественное мнение» А. Ослона, в которой автор высказывается по поводу того, «что такое хорошая школа», ибо, на его взгляд, именно школа и хорошее школьное образование определяют всю дальнейшую жизнь человека: «Все беды, происходящие от дикости, ригидности, некомпетентности, неприспособленности к жизни множества наших соотечественников, своими корнями уходят в школу, где их не приобщили к цивилизации, не приучили к мышлению, не дали знаний, не научили жить в этом мире в согласии с другими и с собой» [10]. В этой записке появляется термин *школьная повседневность* – в связи с анализом общероссийского опроса (2004 г.) 1500 респондентов об их понимании «хорошей школы». Все ответы можно было разделить на три группы. В первую группу вошли мнения о том, что школа должна давать хорошие знания; во вторую – мнения о школе как институте формирования социального опыта. И, наконец, в третью группу (общее число высказавшихся 31%) были отнесены мнения о значении школьной повседневности: оснащённость, благоустроенность школы, чистота, хорошее питание учеников, достойная зарплата учителей при минимуме затрат родителей. В сущности, со-

глашаешься с автором в том, что школьная повседневность – это фактор хорошего образования, признания образования как ценности. Но кто станет с этим спорить? Проблема, которую извлекаешь из этого небольшого текста, – в выделении таких сторон школьной повседневности, на которые мало кто обращает внимание. Это те иногда незаметные для учителя или руководителя школы стороны жизни ученика(ов) (да и учителей тоже!) в образовательной организации, которые могут иметь решающее значение для его социального и нравственного становления: «В школьные годы происходит “перекачка” в “головы” учеников еще и житейского опыта. В этом процессе участвуют буквально все обитатели школы – от директора до уборщицы, от старшеклассников до первоклашек. Во всех школьных ситуациях все (включая взрослых) друг друга учат, то есть передают, получают, модифицируют и снова передают типовой опыт мышления и поведения в этих ситуациях. Кроме того, “закачка” опыта происходит и “сама по себе”, когда школьники впитывают социальное устройство школьного мира, где, чтобы “выжить”, надо освоить множество ролей в незримых структурах доминирования/подчинения, сотрудничества/соперничества, лидерства/аутсайдерства, надо научиться применять множество повседневных коммуникативных тактик – искренности/лицемерия, доверия/недоверия, силы/слабости, дружбы/вражды, усвоить правила, определяющие нормальное/девиантное поведение, научиться распознавать, адекватно оценивать типовые ситуации и выбирать для них оптимальные поведенческие стратегии» [10].

Научный интерес представляют работы С.Д. Полякова о школьной повседневности. Автор предпринял попытку выявить методологические подходы к её изучению. Он формулирует свою позицию как интеграцию идей феноменологии и конструктивизма: «В феноменологии для нас важно утверждение о важности анализа того, в виде

каких *представлений, образов* и связанного с этими представлениями опыта существует мир для человека. В конструктивизме – мысль о порождении устойчивого поведения на основе *сконструированного в коммуникации с другими людьми* представления о мире (образе того, «как всегда есть», «как принято»)» [11]. При определении понятия школьной повседневности он использует метафорические образы сферы и пространства: «Нами принято обозначение этих границ как образов, представлений, действий школьников, возникающих и функционирующих в *физическом пространстве школы* и воспринимаемых ими как относящихся к своей школьной жизни». Всё пространство школьной повседневности, – считает автор, – имеет смысл разделить на три сферы: сферу, порождаемую педагогическими действиями, часть не более как регулируемую педагогами, и пространство, в котором педагогическая регуляция минимальна, ситуативна, а то и полностью отсутствует» [11]. Думаю, что это определение не вполне конкретно по отношению к педагогической повседневности – оно не позволяет зримо, осязаемо представить её именно в образах, переживаниях, действиях.

Если говорить об образах, то в его более поздней работе [12] можно увидеть попытку «расшифровать» имиджевый образ педагога посредством комплексной характеристики его повседневных действий и их проявлений: речевые «инструменты» (содержание того, что говорит классный руководитель, способы построения высказываний, используемые «личные», специфические слова и словосочетания, темп и ритм речи, паузы, междометия и всякое другое, без чего не существует речевой поток), подача внешности (стиль одежды, аксессуаров, причёска), акцентировка неречевых, невербальных средств (специальные жесты, позы, расположение относительно учеников, ритм и темп перемещений по классу, «особый» взгляд и пр.). Из даль-

нейшего текста можно ещё более точно представить различные образы педагогов, отличающихся по параметрам доброжелательности (безопасности) и авторитетности (компетентности): положение в классном помещении; отношение к личному пространству ученика; характер жестикюляции; особенности интонации; особенности визуального контакта; эмоциональные реакции. В качестве примера приведём выдержку из указанной статьи: «Что помогает школьникам воспринять педагога как авторитетного и доброжелательного? “Овладение нейтральной территорией”, расположение в помещении в центре; дозированные властные жесты; вторжение в “личное пространство по разрешению” школьника; горизонтальная жестикюляция; присоединяющие жесты; визуальный контакт; естественная улыбка...» [12].

Мы видим, что это зримые маркеры повседневного поведения учителя. Но именно анализа таких проявлений часто недостаёт в научно-педагогических текстах, описывающих результаты исследовательской работы. И это естественно. Повседневное как *обычное* трудно поддаётся рефлексии. Однако без его описания и анализа трудно понять его изменение, переход в *новое* повседневное, трудно увидеть микроизменения повседневности и зарождение в ней нового, необычного. Между тем именно это очень важно для понимания перехода педагогических процессов (деятельности, образовательных и воспитательных практик) в новое качество, на новый уровень. Трудности определения и описания педагогической повседневности связаны со спецификой деятельности и статусом субъектов образовательного процесса. Их деятельность является одновременно и совместной, и разделённой. Деятельность педагога и учащихся представляет собой сложное единство – она специфична и взаимообусловлена. Поэтому так трудно выделить повседневное в педагогической и учебной деятельности. Однако это необхо-

димо, чтобы понять, как рождается интегрированное повседневное в образовательной или воспитательной практике в деятельности учителя, класса, школы, колледжа, вуза. Разграничивая два понимания школьной повседневности (как педагогической системы и как социокультурной подсистемы), С.Д. Поляков считает, что оба явления пересекаются в феноменах культуры и уклада школы [13]. Для установления их взаимосвязи и целостности он и рассматривает пространственное, временное и ролевое структурирование повседневной жизни школы.

Работы С.Д. Полякова всё-таки не дают целостного представления о школьной повседневности, но они прекрасно дополняются работами других учёных, изучающих школу как социально-культурный феномен. Я имею в виду книгу «Антропология советской школы». Она привлекает преодолением прежнего, однобокого подхода к изучению советской школы: исследовательские акценты перемещены с учебных текстов на школьную повседневность, со “столичных” сюжетов на специфику и разнородность мира советской школы (школы провинциальных городов, сельские и посольские школы). И ещё одно важное обстоятельство, характеризующее ценность данного сборника. Оно связано с методологией педагогического исследования, которая сегодня во многом исчерпала свои ресурсы (стоит только посмотреть разделы докторских диссертаций о методах исследования). Авторы же этой книги использовали материалы полевых исследований и архивных разысканий, что делает её насыщенной фактическим материалом, воссоздающим «вещный» мир советской школы, отношения между учениками и человеком учительствующим и многое другое. «Авторы многих статей обратились к таким элементам школьной повседневности, которые ранее не становились предметом антропологического осмысления: личный дневник школьной учительницы, карнавальная

костюм, протоколы школьных партсобраний, школьная открытка, список для чтения и др.» [14]. Изучение таких документов должно обогатить наши знания о способах изучения школьной повседневности.

Но это уже ушедшая в историю повседневность школы. А какова она сегодня? Для реального понимания современной школьной повседневности важны взгляды на неё тех, кто сам работает в школе, погружён в неё и творит её. Большой фактический материал содержит брошюра двух педагогов – В. Букатова и М. Ганькиной [15]. Он иллюстрирует моменты управления педагогом повседневным течением учебного процесса, его изменением в лучшую сторону в различных ситуациях: открытый урок, контрольная, групповая работа, нарушение дисциплины и др. Здесь не описаны глобальные перевороты школьной повседневности, зато показана изобретательность учителей в их умении «поднимать», «возвышать» повседневность и делать её интересной, играя с ней в своего рода «перевёртыши», переводя монотонность в необычность.

***

Представленные здесь размышления не претендуют на завершённый в смысловом и логическом отношении научный текст. Они предваряют дальнейшие научные поиски, критическую рефлексию и ревизию собственных позиций, более чёткую постановку вопросов и ответов по проблеме «Почему необходимо изучать педагогическую повседневность?» А пока рискну сделать некоторые выводы.

- Тема школьной повседневности – существенный пробел в современном научно-педагогическом знании. Целостное знание о ней отсутствует.

- Более точным было бы словосочетание «педагогическая повседневность». Оно имеет более обобщённый характер – тем более что повседневность в колледже, вузе – не менее значимый предмет изучения, чем школьная повседневность.

- Изучение педагогической повседневности помогло бы понять многие проблемы педагогики: как и вследствие чего меняется повседневность, как появляются признаки её изменения или видоизменения и почему? Всегда ли она меняется в лучшую сторону?

- Изучение педагогической повседневности должно создать объёмное представление об изменениях всех компонентов явления: субъектов, процессов, технологий, дискурса, скрытых от глаз наблюдателя сфер жизни, инфраструктуры. Это поможет понять устойчивое и изменчивое, статичное и динамичное, рутинное и новаторское в образовании.

- Такое представление возможно при трансдисциплинарном подходе к педагогической повседневности, использовании достижений других социально-гуманитарных наук и осмыслении ими повседневности как сложнейшего феномена человеческой жизни.

- При множестве существующих подходов к изучению педагогических явлений следовало бы обратить внимание на эвристический потенциал феноменологического подхода, чтобы в поле внимания исследователя проблем образования попадали не только глобальные процессы, новации, преобразования, но и неизменные или трудноизменяемые феномены повседневной жизни.

- Разработка проблемы педагогической повседневности, безусловно, может обогатить исследовательский инструментарий наук об образовании.

Завершить статью перечисленными выше выводами мне показалось и в содержательном, и в стилистическом отношении нарушением эстетической формы. Поэтому в заключение вернусь к повседневности как феномену личному, субъективному, неотъемлемому от индивидуальной жизненной траектории.

Моя собственная педагогическая (и

школьная) повседневность исчисляется несколькими десятилетиями. Это целый исторический период, который даёт основание для субъективной оценки феномена педагогической повседневности. Как я оцениваю её сейчас, когда подводятся жизненные итоги? В моём восприятии педагогическая повседневность удивительно противоречива. С точки зрения протяжённости она может казаться невероятно длинной, нескончаемой, но иногда она выступает всего лишь как «миг между прошлым и будущим», миг озарения, творчества, когда, кажется, сбываются слова Б. Кауфман: «Каждый раз, когда учитель входит в класс, перед ним открываются возможности стать великим». Она стремительная и плавная, размеренная и взрывная, статичная и динамичная...

Все эти десятилетия в моей повседневности было немало монотонных, рутинных занятий. Они вызывали массу противоречивых чувств, сомнений, вопросов, борений собственной мысли с чужими мнениями. Но это, оказывается, так важно для обновления творимой тобой повседневности! Да, за эти десятилетия многое поменялось (я говорю об артефактах педагогической повседневности): заменены ручки (вставочки) и перья, причудливые презентации сменили потрёпанные наглядные пособия, вместо гудящих проекторов – современные компьютерные средства, вместо старомодных приёмов работы – разнообразные педагогические технологии, изменились даже школьные шпартгалки. Модернизировался школьный дискурс. И не только он: причёски, одежда, стиль общения. Но, думаю, в педагогической повседневности ещё долго останется её фундамент: отношения *учитель – ученик, студент – преподаватель*. Эти отношения тоже меняются, и инициатором этих изменений часто становится тот, кого мы учим. Современные учащиеся понимают огромность наших педагогических усилий и своими благодарными словами вдохновляют нас на повседневный, но ни-

когда не будничным труд. Это слова Е.С. Масловой, долгое время бывшей директором ленинградской школы. А для меня эта не будничность, а даже некоторая праздничность повседневной работы озарена словами: «Спасибо большое, что Ваши занятия всегда интересны и не дают скучать. Мы с мужем постоянно дома обсуждаем поднятые Вами темы, часто говорим о Вас. Всего Вам самого доброго, наша хорошая!» И это тоже моя повседневность с теми нечастыми минутами, когда «обновляется бытие» (В.С. Шефнер).

Литература

1. *Роботова А.С.* О некоторых психологических условиях воспитания правильных взаимоотношений учащихся в коллективе // Вопросы психологии. 1970. № 5. С. 144–149.
2. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Пер. с фр. / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А.Я. Гуревича. М.: Прогресс, 1992. 376 с.
3. *Роботова А.С.* Опыт педагогической повседневности // Воспитание школьников. 2005. № 9. С. 24–29; *Она же.* Об ответственном отношении к человеку учительствующему и концепту «учитель» // Вестник Герценовского университета. 2010. № 12. С. 17–21; *Она же.* Такая простая и такая сложная педагогика: уроки повседневности // Повседневность как текст культуры: материалы международной научной конференции «Повседневность как текст культуры». Киров, 27–29 апреля 2005 г., Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. 376 с.; *Она же.* Педагогика повседневная и научная: опыт, оценки, размышления. СПб., 2012. 183 с.
4. *Козлова Н.Н.* Сцены из частной жизни периода «застоя»: семейная переписка // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 3. С. 120–133.
5. *Козлова Н.Н., Смирнова Н.М.* Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 12–22.
6. *Культурология. XX век. Энциклопедия* / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998.

7. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
8. Словарь русских синонимов. URL: <http://www.edbi/sinonim/повседневность>
9. Корнев В.В. Проблематизация категории «повседневность» // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 2 (58). С. 85–90. URL: <http://www/izvestia.asu.ru/2008/2/phls/TheNewsOfASU-2008-2-phls-01.pdf>
10. Ослон А.А. «Хорошая школа» – ключевая социальная проблема // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 32–41.
11. Поляков С.Д. Основания для изучения школьной повседневности. URL: <http://www.wiki.vladimir.i-edu.ru/images/>
12. Поляков С.Д., Петриева Л.И. Образы педагогов: модели анализа // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 2(34). С. 7–15.
13. Поляков С.Д. Некоторые аспекты исследования повседневной жизни городских школьников в общеобразовательном учреждении // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 2.
14. Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. ст. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2010. 300 с.
15. Букатов В., Ганькина М. Режиссура школьной повседневности. М.: Чистые пруды, 2006. 32 с.

Статья поступила в редакцию 02.03.16.

WHY IS IT NECESSARY TO STUDY THE PEDAGOGICAL ROUTINE?

ROBOTOVA Alevtina S. – Dr. Sci. (Pedagogy), Prof., the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia. E-mail: asrobotova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of daily routine, which today has become a subject of active research in Humanities and Social Sciences. The author believes that it is also interesting for pedagogical science and gives her opinion on the need of its pedagogical study.

Keywords: pedagogical science, daily routine as a scientific category, school daily routine, educational routine

Cite as: Robotova, A.S. (2016). [Why is it Necessary to Study the Pedagogical Routine?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 4 (200), pp. 99-109. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Robotova, A.S. (1970). [About Creating Psychological Conditions for Formation Favourable Relations Between Schoolchildren]. *Problemy psikhologii* [Issues of Psychology]. No. 5, pp. 144-149. (In Russ.)
2. Le Goff, J. (1986). *Tsivilizatsiya srednevekovogo zapada* [Medieval Civilization of the West]. Yu.L. Bessmertnyi (Ed.); Afterward by A.Ya. Gurevich. Moscow: Publishing Group Progress-Academy, 1992. 376 p. (In Russ.)
3. Robotova, A.S. (2005). [Pedagogical Experience of Everyday Life]. *Vospitanie sbkolnikov* [Education of Schoolchildren]. No. 9, pp. 24-29. (In Russ.); Idem (2010). [About Responsible Attitude to a Teaching Man and the Concept of «Teacher»]. *Vestnik Hertsenovskogo Universiteta* [Bulletin of Herzen University]. No. 12, pp. 17-21 (In Russ.); Idem (2005). [So Simple and So Complex Pedagogy: Lessons Daily]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Povsednevnost' kak tekst kultury"* [Proc. Int. Sci. Conf. "Everyday life as a text of culture"]. Kirov, 27-29 April 2005. Kirov: Publishing house of the intersection of languages and cultures, 2005. 376 p (In Russ.); Idem (2012). *Pedagogika povsednevnyaya i nauchnaya: opyt, otsenki, rasmysbleniya* [Daily Pedagogy and Scientific Pedagogy: Experience, Evaluations, and Reflection]. St. Petersburg, 2012. 183 p. (In Russ.)

4. Kozlova, N.N. (1999). [Scenes from the Private Life of the Period of «Stagnation»: Family Letters]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. II. No. 3, pp. 120-133. (In Russ.)
5. Kozlova, N.N., Smirnova, N.M. (1995). [The Crisis of the Classical Methodologies and a Modern Cognitive Situation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 11, pp. 12-22. (In Russ.)
6. *Kulturologiya. XX vek. Entsiklopediya* [Cultural Studies. The XX Century. Encyclopedia]. S.Ya. Levit (Ed.). St. Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ., 1998. (In Russ.)
7. Kasavin, I.T., Shavelev, S.P. (2004). *Analiz povsednevnosti* [Analysis of Everyday Life]. Moscow: Kanon+ Publ., 2004. 432 p. (In Russ.)
8. *Slovar' russkikh sinonimov. Povsednevnost'* [Russian Dictionary of Synonyms. Daily Routine]. Available at: <http://www.edbi/sinonim/повседневность> (In Russ.)
9. Kornev, V.V. Problematizatsiya kategorii «povsednevnost» [Problematization of the Category «Daily Routine»]. Available at: <http://www/izvestia.asu.ru/2008/2/phls/TheNewsOfASU-2008-2-phls-01.pdf> (In Russ.)
10. Oslon, A.A. (2006). [«Good School» is a Key Social Problem]. *Sotsialnaya real'nost* [Social Reality]. No. 3, pp. 32-41. (In Russ.)
11. Polyakov, S.D. *Osnovaniya dlya izucheniya sbkolnoi povsednevnosti* [Foundations for the Study of School Daily Life]. Available at: <http://www.wiki.vladimir.i-edu.ru/images/> (In Russ.)
12. Polyakov, S.D., Petrieva, L.I. (2014). [Images of Teachers: Models of Analysis]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in Psychological and Educational Research]. No. 2(34), pp. 7-15. (In Russ.)
13. Polyakov, S.D. (2010). [Some Aspects of the Research of Everyday Life of Urban Students in Educational Institution]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Kostroma State University n.a. N.A. Nekrasov. Series Humanities]. No. 2 (vol. 16). (In Russ.)
14. *Antropologiya sovetskoj sbkoly: kulturnye universalii i provintsialnye praktiki* [Anthropology of Soviet School: Cultural Universals and Provincial Practices: Collected papers]. Perm: Perm State Univ. Publ., 2010. 300 p. (In Russ.)
15. Bukatov, V., Gan'kina, M. (2006). *Rezbissura sbkolnoi povsednevnosti* [Direction of School Daily Life]. Moscow: Chistye Prudy Publ. 32 p.

The paper was submitted 02.03.16.

